

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

ТРИПТИХ

1940—1965

АННОЙ АХМАТОВОЙ

POEM WITHOUT A HERO

TRIPTYCH

1940—1965

By Anna Akhmatova

Deus conservat omnia.

Девиз на гербе Фонтанного Дома

Deus conservat omnia.

Motto on the crest of the Fontanna House

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече.

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россню пришла ниоткуда . . .»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы. Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) — «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943

Ташкент

IN PLACE OF AN INTRODUCTION

Some are no more, and some are far.

The first time that this work was delivered to me was at Fontanna House on the night of 27 December 1940, having already sent, as messenger, a short excerpt that fall (“You came out of nowhere to Russia . . .”).

I did not ask for her. I did not expect her on that cold, dark day of my last winter in Leningrad. Several petty inconsequential facts, which I did not choose to call events, preceded her. That night I wrote two sections of part one (“1913” and “Dedication”). At the beginning of January, surprising my own self, I wrote “Antithesis,” and in Tashkent (on the second attempt) “Epilogue,” which became part three of the poem. I also made a number of important interpolations into both of the first two parts.

I dedicate this poem in remembrance of its original listeners—my close friends and fellow citizens, who died in Leningrad at the time of the siege.

I hear their voices and remember them whenever I recite this poem aloud, and for me their hidden chorus forever exonerates this work.

April 8, 1943

Tashkent

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять, ни объяснять ее я не буду.

«Еже писахъ—писахъ».

Ноябрь 1944

Ленинград

From my perspective, perverse and absurd interpretations of “Poem Without A Hero” have come to my attention. Some people even advise me to make the poema more understandable.

I decline to do that.

My poem does not have third, seventh or twenty-ninth levels of meaning whatsoever.

I will neither betray it nor explain it.

What I have written—I have written.

November 1944

Leningrad

ПОСВЯЩЕНИЕ

27 декабря 1940

.....
... а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает,
И, как тогда снежинка на руке,
Доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя^{1*}
Вдруг поднялись—и там зелёный дым,
И ветерком повеяло родным . . .
Не море ли?

Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаньи пен
Все ближе, ближе . . .
Marche funèbre . . .

Шопен . . .

Ночь. Фонтанный Дом

* Arabic numerals refer to Akhmatova's notes as given in the T. A. Gorkova edition of the fourth version. The notes and translations of them appear at the end of the text.

DEDICATION

27 December 1940

.....
... and because I don't have paper enough
I write on your old rough draft.
Here another's word melts through,
And like a snowflake on a cuff,
Fades trustingly without reproof.
And Antinoüs's dark eyelashes¹
Lift suddenly—there, a green haze,
There, gusts a familiar breeze . . .
Is it the sea?

 No, only needles
On a grave, and in a swirl of frothing,
Closer, closer . . .

 Marche funèbre . . .

 Chopin . . .

Fontanna House

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея²,
 Черно-белым веером вея,
 Наклоняешься надо мной.
Хочешь мне сказать по секрету,
 Что уже миновала Лету
 И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
 Теплый ливень уперся в крышу,
 Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
 Зеленел, пушился, старался
 Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —
 она одна надо мною.
 Ту, что люди зовут весною,
 Одиночеством я зову.
Сплю —
 мне снится молодость наша,
 Та, е г о миновавшая чаша
 Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
 Словно в глине чистое пламя
 Иль подснежник в могильном рву.

*25 мая 1945
Фонтанный Дом*

A LATER DEDICATION

O. S.

It's you, Delirium-Psyche,²
 Bending down over me,
 Fluttering your black-white fan.
And secretly you want to tell me
 That you've crossed the River Lethe
 And now breathe a different spring.
Don't impose, I hear it myself:
 The warm rain bracing the roof
 And the damp ivy's whispers.
A small something musters life,
 Turns green, stretches, fluffs,
 Tomorrow its new coat will glitter.
I sleep —
 over me she leans.
 You, the one people call spring
 I call loneliness.
I sleep —
 I dream of our youth
 That, like the cup that passed *him* by
 Is gone, and give it back if you wish,
This memory when I wake,
 Like a clear flame in a clay lamp,
 Or a snowdrop in a split grave.

25 May 1945
Fontanna House

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ
(*Le jour des rois*)*

Раз в Крещенский вечерок . . .

Полно мне леденеть от страха,
 Лучше кликну Чакону Баха,
 А за ней войдет человек . . .
Он не станет мне милым мужем,
 Но мы с ним такое заслужим,
 Что смутится Двацатый век.
Я его приняла случайно
 За того, кто дарован тайной,
 С кем горчайшее суждено
Он ко мне во Дворец Фонтанный
 Опоздает ночью туманной
 Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
 Клен в окне, венчальные свечи
 И поэмы смертный полет . . .
Но не первую ветвь сирени,
 Не кольцо, не сладость молений —
 Он погибель мне принесет.

5 января 1956

* День царей (*фр.*).

THIRD AND LAST
(*Le jour des rois*)*³

Once on Epiphany Eve

When fear's overwhelming and numbing,
 I call upon Bach's Chaconne,
 But there a man stands behind me . . .
His role is not fond husband,
 What he and I will make happen
 Will astonish the Twentieth Century.
I accepted him as an episode
 Someone by chance bestowed,
 Of all my choices, bitterest,
He came to Fontanna Embankment
 Tardy on a foggy night
 To drink with me the New Year's toast.
He calls to mind Epiphany evenings,
 The maple at the window, wedding candles,
 Poems' mortality of flight . . .
Neither a bunch of early lilacs,
 Nor a ring, nor the joy that supplicates—
 What he brings me will devastate.

5 January 1956

* Day of the Three Kings (*Fr.*)

ВСТУПЛЕНИЕ

Из года сорокового,
 Как с башни, на все гляжу.
 Как будто прощаюсь снова
 С тем, с чем давно простилась,
 Как будто перекрестлась
 И под темные своды схожу.

25 августа 1941
Осажденный Ленинград

INTRODUCTION

Atop the century's fortieth year,
Like a crash I gaze down upon all.
I bid my farewell once more
To that which I'd condoned, once,
As if to make the sign of the cross
Before I go down the crypt's stairwell.

25 August 1941
Leningrad besieged

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВЕСТЬ

Di rider finirai
Pria dell' aurora.

Don Giovanni

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодний праздник длится пышно.
Влажны стебли новогодних роз.
«Четки» 1914

С Татьяной нам не ворожить . . .
Онегин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — «Гость из Будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
 Чтобы этот светился вечер,
 И с торбой, ко мне не пришедшим,
 Сорок первый встречаю год.
Но . . .
 Господняя сила с нами!
 В хрустале утонуло пламя
 «И вино, как отрава, жжет^{—)}».
Это всплески жесткой беседы,
 Когда все воскресают бреды,
 А часы все еще не бьют . . .
Нету меры моей тревоге,
 Я сама, как тень на пороге,
 Стерегу последний уют.

^{—)} Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отрава, жжет?
(«Новогодняя баллада», 1923).

FIRST PART

THE YEAR NINETEEN THIRTEEN

A Tale Of Petersburg

Di rider finirai
Pria dell' aurora.

Don Giovanni

FIRST CHAPTER

The New Year celebrations linger splendidly.
The stems of New Year's roses are still moist.
"Rosary" 1914

We are not to tell fortunes with Tat'iana . . .
Onegin

New Year's Eve. Fontanna House. Instead of those whom she awaited, before the poet, shades from the year 1913 appeared in the guise of revelers. A White Hall of mirrors. Lyrical digression—"A Guest from the Future." Masquerade. Poet. Apparition.

I lit the secret candles
To make the dusk glow.
And with you who do not come,
I wait year forty to turn.
And yet . . .
The strength of God be with us!
In a crystal a flame drowns
"And wine like poison burns[↪]."
There are splashes of cruel gossip
As all the babble stirs up
But the hour's not yet passed . . .
I am a shadow in the doorway
Amid ill-ease gone awry,
Watching my last shred of peace.

[↪] Are my fingers feverish like blood
And wine, like poison, burns?
(*"New Year's Ballad," 1923*)
И я слышу звонок протяжный,

И я чувствую холод влажный,
 Каменею, стыну, горю . . .
 И, как будто припомнив что-то,
 Повернувшись вполоборота,
 Тихим голосом говорю:
 «Вы ошиблись: Венеция дождей—
 Это рядом . . . Но маски в прихожей,
 И плащи, и жезлы, и венцы
 Вам сегодня придется оставить.
 Вас я вздумала нынче прославить,
 Новогодние сорванцы!»
 Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
 Дапертутто⁴, Иоканааном⁵;
 Самый скромный—северным Гланом
 Иль убийцею Дорианом,
 И все шепчут своим дианам
 Твердо выученный урок.
 А для них расступились стены,
 Вспыхнул свет, завyli сирены,
 И, как купол, вспух потолок.
 Я не то что боюсь огласки . . .
 Что мне Гамлетовы подвязки,
 Что мне вихрь Саломеиной пляски,
 Что мне поступь Железной Маски,
 Я сама пожелезней тех . . .
 И чья очередь испугаться,
 Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
 И замаливать давний грех?
 Ясно все:
 Не ко мне, так к кому же? [→]
 Не для них здесь готовился ужин,
 И не им со мной по пути.
 Хвост запрятал под фалды фрака . . .
 Как он хром изящен . . .
 Однако . . .
 Я надеюсь, Владыку Мрака
 Вы не смели сюда ввести?
 Маска это, череп, лицо ли—
 Выражение злобной боли,
 Что лишь Гойя смел передать.
 Общий баловень и насмешник,
 Перед ним самый смрадный грешник—
 Воплощенная благодать . . .

[→] Три «к» выражают замешательство автора.

I hear ringing in the distance
 And feel a chilling dampness—
 Stone, fire, ice . . .
 As if remembering something
 And turning half way round
 I say with muffled cries:
 “You’re mistaken: The Venice of Doges—
 Next door—but you intrude, in masks
 And capes and staffs and flowers,
 Now you must renounce all this.
 I’m of a mind to make you famous—
 You New Year's bashers! ”
 Here's Faust, there, Don Juan,
 Dapertutto,⁴ Jokanaan,⁵
 And the most modest—northern Glahn,
 Or Dorian Gray, murderous one,
 Each lisping to his own diana
 Little speeches learned by rote.
 And before them recede the walls,
 The lights flare, sirens howl,
 And, like a cupola, the ceiling bloats.
 I’m not scared of notoriety . . .
 What to me Hamlet's garters,
 What to me Salome's dances!
 What to the Iron Mask’s pacings,
 I’m more iron than all of them . . .
 And now whose turn to be frightened,
 To start back, recoil, yield,
 To confess an antique crime? . . . —)

Plain as day:
 If not for me, for whom?
 This supper was not cooked for them,
 Nor will they walk this path with me.
 Beneath coat tails his tail’s hid . . .
 How lame! How elegant! . . .
 I doubt
 However you’ve been so bold
 As to bring the Lord of Darkness here?
 Mask, skull, face—whatever—
 The expression is vengefuler
 Than even Goya portrayed.
 Common brat—taunter,
 Beside him the most sulfurous sinner—
 Is kindness personified . . .

—) The three “k”s are wrung from the author’s embarrassment.

* * *

Веселиться—так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какою была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата⁶
Снова встретиться не хочу . . .
Не последние ль близки сроки? . . .
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки!—
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет—
Страшный праздник мертвой листвы.

Б *Звук шагов, тех, которых нету,*
Е *По сияющему паркету,*
Л *И сигары синий дымок.*
Ы *И во всех зеркалах отразился*
Й *Человек, что не появился*
И проникнуть в тот зал не мог.
З *Он не лучше других и не хуже,*
А *Но не веет Летейской стужей,*
Л *И в руке его теплота.*
Гость из Будущего!—Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «б е з л и ц а и н а з в а н ь я»
Затесалась . . .
Откроем собранье
В новогодний торжественный день!

* * *

I am amused—oh how amused!—
 But how could this have happened,
 Out of them all, that I alone live?
Morning when I awake tomorrow
 Will someone accuse me, no,
 And the blue outside the window
 Upon my face will laugh.
Even so, I'm afraid: I myself coming in,
 Not removing my lace shawl,
 I will smile at them and fall silent.
Besides, she whom I then was,
 Wearing a black agate necklace,
 Into the Valley of Jehosephet,⁶
 I have no wish again to meet . . .
Is not the time to end getting close? . . .
 I have forgotten your lessons,
 Sweet talkers! Pseudo prophets!
 But you have not forgotten me.
As the future ripens into the past,
 So the past into the future rots—
 Terrible festival of dead leaves.

W *The sound of steps that are not real*
H *Across the radiant parquet tile*
I *And a cigar's blue haze.*
T *Inside the mirrors, a man*
E *Who is not there and who can*
 Not invade the hall, appears.
H *No better than others—no worse,—*
A *He breathes without Lethe's chills*
L *For his palm is warm and strange.*
L *The Guest From the Future!—Indeed*
 Will he in fact come to me
 Turning left at the bridge?

Since childhood I've feared revelers' babble,
 For some reason too inexplicable
 There always appears a shade.
“With neither face nor name” it cuts in
 Behind the others . . .
 Call to order this meeting
 On a solemn New Year's Day!

Оставляя с глазу на глаз

I'll not expose last night's
Hoffmannia to the public light,
I will not take a stand . . .
wait.

You are not mentioned in the list.
Of Cagliostros, magi, Lyciscas—⁷
Arrayed like a striped milepost,
Parti-colored, painted and crude—
You . . .
Like the Mamre Oak, old,⁸
Ancient companion to the moon.

No one's fooled by your fake groans,
You write laws clad in iron,
That Hammurabi, Lycurgus, Solon⁹
Should have had to learn.

A creature of eccentric habit,
Awaiting neither glory nor gout
He is in no hurry to seat himself
In a plush jubilee armchair,
But across flourishing heather,
Over the void, bears his triumph.

But he's no guiltier than most: not this,
Not that, not the other thing . . .
Poets
In general are not lumped with sinners.

Dance before the Ark of the Covenant¹⁰
Or get lost! . . .
Enough! About that
Their verses say it better,
Only a dream, the cry of a cock,
Outside the window the Nevá smokes,
And night's an abyss that lasts, and lasts—
Petersburg devilishness . . .

No star shows in the black heavens,
A dire doom seems near at hand,
But carefree, acerbic, unashamed,
The masquerade chatter persists . . .

A cry:
“Hero to the proscenium!”
Calm down: the gaunt one will surely slip in
Quick to take the place of him whose
Singing's about divine retribution . . .

Why are you all running off that direction,
As if each led a bride by the hand,

Abandoning me face to face

Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

*Это все наплывает не сразу,
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
Ты—Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени . . .
После—лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» и в отдалении
Чистый голос:
«Я к смерти готов».*

*Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (Зеркальный) зал¹¹
снова делается комнатой автора. Слова из мрака:*

Смерти нет—это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть—пусть расскажут мне.
Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный. Или
То, что вдруг мелькнуло в окне . . .
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?
Бледен лоб, и глаза открыты . . .
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит . . .
Вздор, вздор, вздор!—От такого вздора
Я седою сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?!
За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

In the twilight black picture frame,
From which stares, what will become
Cruellest drama, cruelest shame,
And the yet unbewailed time?

*It does not drift in all at once,
Like a lone musical phrase
I hear a whisper: "Farewell! It's over!
I leave you now to live, although,
You will become MY widow,
You—Darling, sunshine, sister!"
On the landing two shades merge . . .
Later . . . on a turning in the stairs
A cry: "No need!" and from afar
A clear voice:
"I am prepared for death."*

*The torches go out, the ceiling descends. Again the white (mirrored) hall¹¹ becomes the
author's room. Words from the darkness:*

Death does not exist—well-known fact
Too insipid to repeat,
But whatever does exist—let them tell me.
Who knocks?
Everyone's here.
Perhaps behind the mirror. Or,
Out the window, glimpsed fleetingly . . .
What if the new moon were playing tricks
Or someone were in fact standing there
Between stove and cup-racks?
A pallid brow and an open gaze . . .
Proving frailty of slabs on graves,
Proving granite soft as wax . . .
Pranks, pranks, pranks!—From such pranks
I'll soon have gray hairs
Or turn into someone else.
Why are you beckoning me?!
*For one moment's peace
I'd renounce my posthumous rest.*

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ

Интермедия

Где-то вокруг этого места (« . . . но бкздумна, легка, бесстыдна, маскарадная болтовня . . .») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

«Уверяю, это не ново . . .
 Вы дитя, синьор Казанова . . .»
 «На Исакьевской ровно в шесть . . .»
«Как-нибудь побредем по мраку,
 Мы отсюда еще в «Собаку» . . .¹²
 «Вы отсюда куда?»—
 «Бог весть!»

Санчо Пансы и Дон-Кихоты
 И, уввы, содомские Лоты¹³
 Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
 Шевельнулись в стекле Елены,
 И безумья близится срок.
И опять из Фонтанного грота¹⁴
 Где любовная стынет дремота
 Через призрачные ворота
 И мохнатый и рыжий кто-то
 Козлоногую приволок.
Всех наряднее и всех выше,
 Хоть не видит она и не слышит—
 Не клянет, не молит, не дышит,
 Голова Madame de Lamballe.
А смиренница и красотка,
 Ты, что козью пляшешь чечетку,
 Снова гулишь томно и кротко:
 «Que me veut mon Prince
 Carnaval?»

*И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена
 появляется О н а же (а может быть, ее тень):*

Как копытца топочут сапожки,
 Как бубенчик звенят сережки,
 В бледных локонах злые рожки,
 Окаянной пляской пьяна,—
Словно с вазы чернофигурной,
 Прибежала к волне лазурной,
 Так парадно обнажена.

ACROSS THE LANDING

Interlude

Somewhere along about here (“ . . .but without care, strain or shame, the masqueraders chatter . . .”) snippets of verse like these wander about but I do not let them into my text:

“That's nothing new, I'd say . . .
You're a kid, Signor Casanova . . .”
“St. Isaac's Square, six on the nose . . .
Somehow even in the dark,
We'll find our way to “The Dog” . . .¹²
“Where are you off to?”—
“God only knows!”

Sancho Panzas and Don Quixotes
And Lots from Sodom too,¹³
Are sampling the deadly juice,
Aphrodite steps from foam and water,
Helen poses before a mirror,
And coming toward all, seasons of madness.
Once again in the Fountain Grotto wait¹⁴
Lovers, drowsy and frigid,
Beyond the ghostly gates,
And someone shaggy and red-haired,
A goat-legged sprite.
Even if she does not look or listen—
The best dressed and tallest of all,
Does not curse, nor pray, nor inhale—
Trend-setter, Madame de Lamballe.
And Miss Modesty too, knockout,
You who tap the dance of the goat,
And then pensively stroll about:
«Que me veut mon Prince
Carnaval?»

Seeming to appear at the same time in the depths of the hall, on stage, in hell and on the summit of Goethe's Brocken, it is SHE (or perhaps it is her shade):

Like little hooves, her boots click,
Like little bells, her earrings clink,
Wee wicked horns from yellow locks peak,
Intoxicated with the accursed dance—
As if on a black-figured vase,
Toward brilliant sky-blue waves,
Stylish and naked, she races.

А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебе сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

And behind her in greatcoat and helmet,
 You, entering here without mask,
 You, Ivanushka of the ancient legend,
 What torments do you seek?
Such bitterness in every word,
 Such sorrow in your love,
 Is that not a trickle of blood
 Smudging the bloom of your cheek?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ты сладострастней, ты телесней
Живых — блистательная тень

Баратынский

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она—Козлоногая, посредине—Путаница, слева—портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина¹⁾, другим—Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!
 Не сердись на меня, Голубка,
 Что коснусь и этого кубка:
 Не тебя, а себя казню.
Все равно подходит расплата—
 Видишь—там, за вьюгой крупчатой
 Мейерхольдовы арапчата
 Затевают опять возню.
А вокруг старый город Питер,
 Что народу бока повытер
 (Как тогда народ говорил),—
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
 В размалеванных чайных розах
 И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
 Над Мариинскою сценой ргіта,
 Ты—наш лебедь непостижимый,—
 И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра как с того света
 (Тень чего-то мелькнула где-то),
 Не предчувствием ли рассвета
 По рядам пробежал озноб?
И опять тот голос знакомый,
 Будто эхо горного грома,—
 Наша слава и торжество!

¹⁾ На фоне куста цветущих роз (Аполлон, 1917, № ?) большой букет роз «Glorie de Dijon» медленно осыпается на ковер. См. картину С. Судейкина «Коломбина». Или Психея в теплом желтом сиянии с бабочкиными крыльями.»

SECOND CHAPTER

Your body, so alive, so sensuous,
As a shade, so luminous!

Baratynskii

The heroine's bedroom. A waxy candle burns. Three portraits of the hostess in her roles are over the bed. To the right, the goat-footed one; center, Delirium-Psyche; the left is shaded. Some think it is Columbine⁻⁾, others think Donna Anna (From «The Footsteps of the Commendatore»). Outside the mansard window, Blackamoors play in the snow. Blizzard. New Year's Eve, midnight. Delirium-Psyche comes out of the portrait and a voice seems to be reading to her:

Fling open your satiny fur coat!
 Don't be annoyed with me, Dearest,
 For I too touched that chalice,
 Not you, it's me, I chastise.
Retribution was already set—
 See—there, in a blizzard like fine flour
 Meierkhol'd's blackamoors
 Are up to horseplay once more.
Old Piter is felt on every side,
 He who tanned the people's hides
 (As people back then would say),—
Carts with grain, manes, harnesses,
 Smudged paintings of tea roses,
 Crow wings crowding the sky.
Flying, with a smile-like expression,
 Across the Maryinsky stage apron,
 You—our inscrutable swan,—
 And a snob coming late makes jokes.
The orchestra tuning like society buzz
 (The shadow of something barely glimpsed),
 And didn't a chill run through the tiers
 Like the foreboding before daybreak?
And again that well-known voice is lifted.
 Like the echo of thunder from a mountain—
 Our glory and exaltation!

⁻⁾ Similar to the luminous portrait (*Apollon*, 1917, No. ?) in which a grand bouquet of Glorie de Dijon roses slowly cascades onto the carpet. It is a painting by S. Sudeikin of "Columbine." Or perhaps Psyche in warm yellow with blue butterfly wings."

Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, вскормившей его.
Сучья в иссиня-белом снеге . . .
Коридор Петровскик Коллегий¹⁵
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там.)
До смешного близка развязка:
Из-за ширм Петрушкина¹⁶ маска[—]).
Вкруг костров кучерская пляска.
Над дворцом черно-желтый стяг . . .
Все уже на местах, кто надо:
Пятым актом из Летнего Сада
Пахнет . . . Призрак цусимского ада
Тут же. — Пьяный поет моряк . . .

* * *

Как парадно звенят полозья,
И волочится полость козья . . .
Мимо, тени!—Он там один.
На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом—
Все таинственно в прищелце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале,
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и мертвым взором,
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы,—

—) Бариянт: Чрез Неву за пятак на салазках.

It fills our hearts with trembling
 And carries beyond where roads end,
 Across the nation that nourished it.
 Twigs above the blue-white snow . . .
 The Petersburg Colleges alleé¹⁵
 Endless, resonant and straight.
 (It is as you may wish it to be,
 But he must dream it stubbornly,
 The one who now passes that way.)
 The dénouement is ludicrously close:
 Behind the scene is Petroushka's mask¹⁶—).
 Around bonfires, coachmen dance.
 Over the palace, the flag, black-yellow . . .
 Those who're needed are in their positions:
 The fifth act from the Summer Garden
 Reeks . . . A shade from Tsusima's inferno
 Here too.—A drunk sailor sings . . .

* * *

How parade-like the sleigh runners jingle,
 As goatskin lap robes drag along . . .
 Shades, go away!—He's there alone.
 Against the wall is his stark profile.
 Is it Gabriel or Mephistopheles
 You, pretty boy, paladin?
 A demon with Tamara's smile,
 Such charms last a short while
 On that awful smoky face:
 Flesh transformed almost into spirit,
 On his ears antique curls twist.
 This intruder is wholly mysterious.
 Was it he in the crowded hall who sent
 A black rose in a glass goblet,
 Or has that just been a dream?
 With dead heart and dead eyes turned away,
 Did he meet the Commendatore
 In that profaned house of doom?
 And his are the words that trace
 How you inhabit a new space
 And how you're beyond time now—

—) Variant: Across the Nevá in a cleared spot for sleds

И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты — Невы.

Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе—без партнера.
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету . . .
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.*

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка^{—)},
Ты—один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов,
Я наследница славы твоей,
Здесь под музыку дивного мэтра—
Ленинградского дикого ветра
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей . . .

Оплывают венчальные свечи,
Под фатой «поцелуйные плечи»,
Храм гремит: «Голубица, гряди!»¹⁷
Горы пармских фиалок в апреле—
И свиданье в Мальтийской Капелле¹⁸,
Как проклятье в твоей груди.
Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?
Мне ответь хоть теперь:
неужели

—) Было: козлоногая, кукла, актерка.

There inside polar crystals,
 There inside amber jewels,
 At the mouth of the Lethe — Nevá.

The portrait you broke loose from
 And its pictureless frame
 Will await you till the light comes.
You dance so well—no partner.
 I submit and fully concur
 To the role of the fateful chorus.

*Your cheeks are blotched and scarlet:
Best you return to the portait;
You see, this is just such a night
In which accounts are settled . . .
But my numbing lassitude
Is harder than death to surmount.*

You came out of nowhere to Russia,
 O, my fair-haired precious,
 Columbine of the Nineteen Tens!
How agitated and hawk-eyed your look is,
 Petersburg puppet, actress, —¹⁾
 You—alone, of my doubles.
One ought to add to your titles
 This. O, friend of poets.
 I am heir to your renown,
And here's the music of a marvelous meter,
 Leningrad's fierce wind's furor.
 In the shadow of the protected cedar
 I see the dance of courtly bones . . .

The wedding candles sputter,
 The veil “kisses your shoulders,”
 “Dove, descend!”¹⁷ the church resounds.
Mountains-of-Parma violets in April—
 And meetings in the Maltese Chapel,¹⁸
 Like a curse in your breast.
Is it a dream of the Age of Gold
 Or infamy's black hold
 In the dread chaos of days past?
Answer me now:
 Is it true

—) She was: goat-footed, puppet, actress.

Ты когда-то жила в самом деле? —
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей . . .

Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала, как беседку
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь¹⁹
В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенах лазурных святые—
Полукрадено это добро . . .
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился драгунский Пьеро,—
Всех влюбленных в тебя суеверней,
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему, как стали—магнит,
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа . . . —
Вот он, бой крепостных часов . . .
Ты не бойся—домá не мечу.—
Выходи ко мне смело навстречу—
Гороскоп твой давно готов . . .

That you once lived here too? —
 Stomping the wooden pavements
 With your dazzlingly small boots . . .

Your house was motley like a circus cart,
 And the plaster cupids were chipped
 That surrounded the Venus altar.

Your songbirds were not in cages,
 Your bedroom, decked like a summerhouse,
 Would the village lass even recognize
 Herself in this merry Skobar'¹⁹

Whose spiral stairs hid inside panels,
 And whose saints hung on azure walls,—
 Pilfered possessions on show . . .

Like Botticelli's "Spring," garlanded,
 You entertain guests from your bed
 And the world-weary dragoon Pierrot,—

Most superstitious among your loves,
 With the evening smile of a victim,
 You two—like a magnet to steel,

Drooping, he gazes through tears,
 At how others proffer you roses
 And at how famous is his rival.

I never saw your husband,
 I, through the frost on the pane . . .—
 There the fortress clock strikes now. . .

You fear nothing!—cast before houses.—
 Meet me courageously face to face—
 Your horoscope was drawn long ago. . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И под аркой на Галерной . . .

А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.

О. Мандельштам

То был последний год . . .

М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: «последнее воспоминание в Царском Селе». Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения,—
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,—
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка!
Как пред казнью бил барабан . . .
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул . . .
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется и не хочет

THIRD CHAPTER

And under the Galernoi arch . . .

A. Akhmatova

In Petersburg once again we'll meet
As if, long since, we had interred
The sun.

O. Mandel'shtam

That was last year . . .

M. Lozinskii

Petersburg 1913. Lyrical digression: a final Recollection of Tsarskoe Selo. The wind, neither remembering nor prophesying, whispers:

Bonfires warmed the Christmas season,
 Coaches fell from sloping bridge spans,
 And the whole city floated its dirge
Toward some unknown appointment
 With the Nevá's current or against it,—
 But ever away from its graves.
Above the dark Galernoi Arch,
 And Summer Garden's weathervane screech.
 A bright silver moon had etched
 Cold across the Silver Age.
Because, along all roads,
 Because, at all doorsteps,
 A shadow slowly advanced—
A wind tore posters from walls,
 The lilacs wore graveyard smells
 And smoke along rooftops danced.
And Tsaritsa Avdot'ia's curse,
 Dostoevskian and possessed,
 Engulfed the city in mists.
And again gazing out from the dark,
 Are revelers and old Petroushka.
 As before executions, a drum beats . . .
And incessant in the cold stagnant air,
 Impending, brothel-like, pre-war,
 An impending rumble dwelt. . .
Voiceless and just barely heard,
 The soul was barely troubled
 As in drifts on the Nevá it would melt.
As if dreading a mirror at night,
 When an ordinary man, possessed,

Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный—
Настоящий Двадцатый Век.

*А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять[→] мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.
Там за островом, там за Садам,
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей?
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?*

→) Музы

Because of the reflection he'll see,
Along the legendary quays
Not the calendar—rushes—
But the real Twentieth Century.

*And now to go home quickly
Through the Cameron Gallery
Across the frozen dark garden,
Where the waterfalls are mute,
Where all nine[—] share my delight
Like your delight used to be mine.
There beyond island and Garden,
Will our glances greet again,
Will our eyes be bright and safe?
Won't you declare as once you declared
That death-defiant word
And solve my life?*

—) Muses

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале 19 века братьями Адамины. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Слеса-на-Крови. На Поле за метелью призрак зимнедворцового бала.

В промежутки между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
 На чьем сердце «палевый локон»,
 У кого пред глазами тьма?—
«Помогите, еще не поздно!
 Никогда ты такой морозной
 И чужою, ночь, не была!»
Ветер, полный балтийской соли,
 Бал мятелей на Марсовом Поле
 И невидимых звон копыт . . .
И безмерная в том тревога,
 Кому жить осталось немного,
 Кто лишь смерти просит у Бога
 И кто будет навек забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
 На него беспощадно наводит
 Тусклый луч угловой фонарь,—
И дождался он. Стройная маска
 На обратном «Пути из Дамаска»
 Возвратилась домой . . . не одна!
Кто-то с ней «б е з л и ц а и н а з в а н ь я» . . .
 Недвусмысленное расставанье
 Сквозь косое пламя костра
Он увидел— рухнули зданья . . .
 И в ответ обрывок рыданья:
 «ты—Голубка, солнце, сестра! —
Я оставлю тебя живою,
 Но ты будешь м о е й вдовою,
 А теперь . . .
 Прощаться пора!»
На площадке пахнет духами,
 И драгунский корнет со стихами
 И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит . . .
 Он мгновенье последнее тратит,

FOURTH AND FINAL CHAPTER

Love spent itself—and in clear view
Stood the mortal features . . .

Vs.K.

A corner of the Field of Mars, a house built at the beginning of the 19th century by the Adamini brothers. In the air war of 1942, it will take a direct hit. A bonfire burns high. The strokes of the bells on Our Savior of the Blood are audible. On the Field past the blizzard, an apparition of a wintry-palatial ball.

In the space between these sounds, silence itself speaks.

At the window who is freezing in the dark,
 Upon whose heart lies “a yellow lock,”
 And before whose eyes, black? —
“Help, it is not too late!
 You have been, night,
 Never this wintry and bleak!”
A salty Baltic tempest roars,
 A blizzard dances on the Field of Mars,
 And invisible hooves resound . . .
For him, immeasurable anxiety,
 The one whose life is rushing away,
 The one who begs God let him die,
 The one who’ll be forgot too soon.
At midnight beneath the window he lingers,
 The corner lamp dimly beckons
 Him to a merciless bliss,—
There he waits. Wearing her mask,
 Back from “The Road From Damascus,”
 The beauty comes home . . . not alone!
With her, one “with neither face nor name” . . .
 Their farewell’s equivocation
 Through the slanting blaze of the bonfire,
He sees it all—buildings crash down . . .
 And in reply snips of sobbing:
 “You—Darling, sunshine, sister! —
And though I leave you to live for now,
 You will be MY widow,
 And so . . .
 The time to part is here!”
On the landing the scent of strong perfume,
 And the dragoon cornet holds his poem,
 And in his breast, pointless death aches
He rings the bell, and mustering courage . . .
 His last moments, to your homage

Are squandered.
Look:
Not in the damned Mazur Marshes,
Not in the blue Carpathian heights . . .
He is here—at your doorway!
Crossing it.
May God forgive you!

*(How many ways poets go to ruin,
Foolish boy: he chose this one,—
His first great pain had not yet left him.
He could not tell at whose threshold
He stood, nor what long road
Opened its vista before him . . .)*

It is I—your old conscience,
The one who sought out the burned story,
And on the window's ledge
In the house of the one deceased
Placed it—
and on tip-toe left . . .

AFTERMATH

ALL IS IN ORDER: THE POEM'S AT REST
AND, AS EXPECTED, DOES NOT DISRUPT.
WELL, BUT WHAT IF A NEW THEME ERUPTS,
POUNDING ON THE WINDOW WITH A FIST,—
AND FROM FAR OFF, IN RESPONSE TO ITS PLEA,
ARISE HAIR-RAISING SOUNDS—
GURGLING, WAILING, SHRIEKS
AND AN APPARITION WITH CROSSED ARMS? . .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Intermezzo

РЕШКА

... Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.
Пушкин

In my beginning is my end.
*Девиз Марии Шотландской**

Автор говорит о поэме «1913 год» и о многом другом — в частности, о романтической поэме начала XIX века (которую он называет Столетней Чаровницей). Автор опрометчиво полагал, что дух этой поэмы ожил в его Петербургской повести.

Место действия — Фонтанный Дом. Время — 5 января 1941 года. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок — дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры. В печной трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

* В моем начале мой конец (*англ.*).

SECOND PART

Intermezzo

FLIP SIDE

. . . I drink of Lethe's flood,
My doctor has forbade despondency:
Puskin

In my beginning is my end.
*Motto of Mary of Scotland**

The author discusses a poem about 1913 concerning a number of other people—in particular, the romantic poema that originated in the XIX century (and whose charm had survived for 100 years). The author assumed too hastily that the spirit of the poema could be revived in its city of origin, Petersburg.

Place of action—Fontanna House. Time—5 January 1941. Out the window, the specter of a snow-covered maple. Scarcely has the infernal harlequinade of the year 1913 rushed past, rising up out of the stillness of that great quiescent epoch and leaving behind it the typical mess of any festive or funereal procession—still-smoking torches, colored blotches on the ground, sacred keepsakes forever lost. Wind whorls in the stove pipe, and in its howl one may divine a few very covertly and skillfully hidden fragments from Requiem. About what glimmers dimly in the mirrors, it is best not to ask.

* The Russian text gives a Russian translation of Mary's words which are in English in the epigraph.

*. . . жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.
Н. К.*

1

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

2

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой,—
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой».

3

Я ответила: «Там их трое—
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет,—
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

4

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

5

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.

. . . a jasmine bush,
Where Dante passed and air was parched.
N.K.

1

My editor was quite vexed
Swearing he was busy and sick,
So got an unlisted phone
Then grouched: "Three themes at once!
Reading those last lines,
Can't even tell who loves whom.

2

Who met whom, and in what order,
Who's victim, who's survivor,
Who's the author, who's the hero,—
This private stream-of-consciousness
About a poet and a swarm of ghosts,
What use has it for readers now?"

3

"Three were three," was my protest,
"The main one dressed like a milepost—
Another wore what demons wear,—
They took pains so that their verses
Might suffice for centuries,
The third lived scarcely twenty years,

4

And I pity him." And once again
Word upon word tumbled down
While the music box boomed.
And out of a vial dribbled
Like words angry and crabbed
A poison with mysterious fumes.

5

And in my dreams it seems
My libretto is for someone else,
But no "all clear" from the music's roar.

А ведь сон—это тоже вещица,
Soft embalmer,²⁰ Синяя птнца,
Эльсинорских террас парапет.

6

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издалёка заслышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

7

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро—
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

8

Карнавальная полночью римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

9

И со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит.

10

Враг пытал: «А ну, Расскажи-ка»,
Но ни слова, ни стопа, ни крика
Не слышать ее врагу.

A dream—can appear quite solid,
Soft embalmer,²⁰ the Blue Bird,
And parapets, terraces of Elsinore.

6

I myself was hardly glad
At this hellish harlequinade,
Emitting infernal yowls.
It would all skirt, I hoped,
White Hall, like smoke will glide
Beside dusk-lit pine boughs.

7

I can't erase the motley debris.
Old Cagliostro still acting weirdly—
Satan decked in elegant best,
He won't weep for the dead with me,
Does not know what conscience means,
Or for what reasons it exists.

8

A midnight Carnival of Rome
Reeks not like this. The Cherub Hymn
Quails at the shut churches.
No one knocks upon my door,
A mirror dreams only a mirror,
Silence over silence watches.

9

And with me is my "Seventh,"
Half-dead and mute, her mouth
Agape and inarticulate
Like the mouth of a tragic mask,
But daubed and smeared with black,
And clogged with fine dry grit.

10

"Sure, you can speak," the enemy teased
But neither groan nor cry nor word
Did once the enemy hear.

И проходят десятилетия:
Пытки, ссылки и казни—петь я,
В этом ужасе не могу.

<11>

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта—поверьте,
Вижу их, что ни ночь, во сне,
Отлученною быть от ложа
И стола—пустяки! но негоже
То терпеть, что досталось мне.

<12>

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит—Судьба.

<13>

И была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.²²

<14>

Бес попутал в укладке рыться . . .
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я—тишайшая, я—простая,
«Подорожник», «Белая стая» . . .
Оправдаться . . . но как, друзья?

<15>

Так и знай: обвинят в плагиате . . .
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.

And decade on decade elapsed:
Tortures, deportations, executions—
I cannot sing inside this terror.

<11>

The celebrations of civic death
Believe me—in all truth,
I see them, each night, in my sleep.
To have removed, one's chair,
One's table—trifles! but to endure
Is not right, what's fallen to me.

<12>

What if I grow to a state-sponsored anthem?
Do not crown me with the diadem
Of the dead—don't—don't—don't.
I will be needing a lyre for sure,
Sophocles' this time, not Shakespeare's.
Standing upon the threshold—Fate.

<13>

And for me that theme has become
Like a crushed chrysanthemum
On the floor when a coffin's borne away.
The gap, my friend, between “remembering”
And “recollecting” reaches from the land
Of satin charades to Luga.²²

<14>

Let the devil try to sort this trunk . . .
Well, how did it happen so quick
That I am guilty of everything now?
I—most unassuming, I—most meek,
Plantain, White Flock . . .
To acquit myself . . . friends, how?

<15>

I know: If charged I plagiarize . . .
Really, am I guiltier than others?
In any case, it's no big deal.

Я согласна на неудачу
Я смущенье свое не прячу . . .
У шкатулки ж тройное дно.

<16>

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила . . .
Я зеркальным письмом пушу,
И другой мне дороги нету,—
Чудом я набрела на эту,
И расстаться с ней не спешу.

<17>

Чтоб посланец давнего века
Из заветного сна Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

<18>

И тогда из грядущего века
Незнакомому человека
Пусть посмотрят дерзко глаза.
И он мне, отлетающей тени,
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

<19>

А столетняя чаровница^{—)}
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

^{—)} Романтическая поэма.

I admit freely my failure,
I hide no part of my despair . . .
The floor of the chest is triple.

<16>

But I confess that I did resort
To invisible ink, and wrote
In mirror writing somehow,
For me it was the only way out,—
Incredibly I learned to scrawl it
In no rush now to let it go.

<17>

Let the messenger from a bygone time
From El Greco's innermost dream,
Without words, try to explain,
With his peerless and summery smile,
Why to him I was more reviled
Than the seven deadly sins combined.

<18>

And then from a future century
Let a man unknown to me
Gaze with his saucy eyes.
And hand me, shade in flight,
An armful of lilacs, still wet,
Just as the passing storm roars.

<19>

But that hundred-year old charmer^{—)}
Awakes, overnight, eager
To frolic. Not my affair.
She drops a lace handkerchief,
Languid eyes, lifted sleeve,
And beckons a Briullovian shoulder.

^{—)} The Romantic [Russian] genre, Poema.

<20>

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой
И гнала на родной чердак, —²³

<21>

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли²⁴
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира
Разрывали бездну эфира
И факел Георг держал²⁵.

<22>

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль²⁶,
Аовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль».

<23>

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу.
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

(Вой в печной трубе стихает, слышны отдаленные звуки Requiem'a, какие-то глухие стоны. Это миллионы спящих женщин бредят во сне).

[—]) Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические произведения.

<20>

Every drop of her I drank
With a thirst that was mad and black
But could no longer make out
How to cleanse myself of her fervor.
I threatened with the Star Chamber
And chased her back to her loft, [→]²³

<21>

Back to the dark beneath Manfred's spruce,
And the beach where the dead Shelley²⁴ lies
Vacantly staring up at the sky,
And the whole of the world's skylarks
Through the abyss of ether, breaks
While George²⁵ lifts a torch on high.

<22>

Bur she said intractably:
"I am not that English Lady,
Nor am I Clara Gazoul,²⁶
I have no ancestor
Except that of sunlight and lore,
And July first held me in thrawl.

<23>

But to your fame that I extol
Which has lain thirty years in a hole
I'll no longer offer up praise.
We will trample it down together,
As with regal kiss I prepare
I exalt your midnight malice."

(The howling chimney stack dies down, and an audible sound comes from faraway, a certain voiceless moan. It is a million somnolent women delirious in the snow.)

[→] As an introduction to reader, this is the room that gave birth to all [my] poetic writings.

<24>

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, стопятниц, пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспмятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

<25>

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы—увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы».

<24>

Ask my contemporaries,
Convicts, hundred-fivers, prisoners,
And we will all tell you
How we lived the delirium of fear,
How we raised children for torture,
Executions—prison camps too.

<25>

With clinched blue lips,
Distracted Hecubas
And Cassandras from Chukhloma,
We thunder in voiceless chorus,
We—the ones crowned with disgrace:
“We are in hell’s taiga.”

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему . . .

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета

Анненский

Люблю тебя, Петра творенье!

Пушкин

Моему городу

Велая ночь 24 июня 1942 года. Город в развалинах. От Гавани до Смольного видно все как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей,—
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
А земля под ногой гудела,
И такая звезда[↪] глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука . . .
Это где-то там—у Тобрука,
Это где-то здесь—за углом.
(Ты, не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?)

[↪] Марс летом 1941 г.

Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «защитый» . . .
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске спиелей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц . . .
Над тобой—лишь твоих прелестниц
Велых ноченок хоровод.
А веселое слово—дóма—
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький—
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,
Словно *та*, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась . . .

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
.....
Обуянная смертным страхом
И остмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И сжимал уста, Россия
Предо мною шла на восток²⁸.

Was scribbled on wings of free verse,
And “mended” my City lives . . .
Heavy slabs of graves
Cover your unsleeping eyes.
It seems you’re chasing me down,
You, who succumbing there, remain
Among splendid spires and glinting water.
You did not expect a worthy messenger . . .
Above you—only your charmers
And white nights, one after another.
And that happy word—home—
Nowadays to everyone is foreign,
For everyone stares from a strange window.
Some in Tashkent, some in New York,
And the harsh air of exile chokes—
Like venomous wine, swallowed.
You all might have feasted eyes on me,
When inside a flying fish’s belly
I was preserved from evil and borne
Over forests full of the enemy,
Like the one, devil-possessed, he,
In his night flight above the Brocken . . .

But my destination lies before me,
The frozen and cold Kama,
And “Quo vadis?” someone says,¹⁵
But with no time to move my lips,
Like bridges and underpasses,
The rumbling on of the Urals.
And opening before me is that road
On which so many have trod,
On which my son was conveyed,
And the funeral line was long
In the solemn and crystalline
Silence of the Siberian land.
Because of what was turned ash,
.....
Mortal fear was unleashed,
And with her dry eyes downcast,
Knowing vengeance’s onrush,
Clinching her rivers’ mouths, Russia,
Right before me, veered East.²⁸

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА:

1. *Антиной*—античный красавец.
2. «*Ты ли, Путаница . . .*» —героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.
3. *Le jour des rois*—канун Крещения: 5 января.
4. *Данпертутто*—псевдоним Всеволода Мейерхольда.
5. *Иоканаан*—святой Иоанн Креститель.
6. *Долина Иосафата*—предполагаемое место Страшного Суда.
7. *Лизиска*—псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.
8. *Мамврийскогий дуб*—см. Книгу Бытия.
9. *Хаммураби, Ликург, Солон*—законодатели.
10. *Ковчег Завета*—библ.
11. *Зал*—Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (рабты Кваренги) через площадку от квартиры автора.
12. «*Собака*» — «Бродячая собака», артистическое кабаре десятых годов.
13. *Содомские Лоты* (см. «Бытие», гл. <XIX>).
14. *Фонтанного Грот* — построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского дворца на Фонтанке (так называемый Фонтанный Дом), разрушен в начале десятых годов (см. Лукомский, стр. <?>).
15. *Коридор Петровских Коллегий* — коридор Петербургского университета.
16. *Петрушкина маска* — «Петрушка», балет Стравинского.
17. «*Голубица, гряди!*» — церковное песнопение. Пели, когда невеста ступала на ковер в храме.
18. *Мальтийской Капелла* — построена по проекту Кваренги (с 1798 г. до 1800 г.) во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором помещался Пажеский корпус.

THE EDITOR'S NOTES

1. *Antinoüs*—an ancient male beauty.
2. “*It is you, Delirium . . .*”—the heroine of the play of the same name by Iurii Beliaev.
3. *Le jour des rois*—Eve of Epiphany: January 5.
4. *Dapertutto*— pseudonym of Vsevolod Meierkhol'd.
5. *Jokanaan*— St. John the Baptist.
6. *Valley of Jehosophat*—reputed to be the place of the Last Judgment.
7. *Lysisca*—pseudonym of the Empress Messalina of the Roman haunts.
8. Mamre Oak—in the Book of Genesis.
9. *Hammurabi, Lycurgus, Solon*—lawgivers.
10. *Ark of the Covenant*—*Bible*.
11. *Hall*—The white mirrored hall in Fontanna House (workmanship by Quarenghi) across from the location of the author's apartment.
12. “*The Dog*” — “The Stray Dog,” an artistic cabaret during the 1910s.
13. *Lot of Sodom* (from Genesis Chapter 19).
14. *Fountain Grotto*—built in 1757 by Argunov in the garden of the Sheremetev Palace on the Fontanka (the so-called Fountain House), [the grotto was] destroyed at the beginning of the 1910s (see Lykomskaa, page <?>).
15. *The allée of the Petersburg Colleges*—the colonnaded walkway of Petersburg University.
16. *Petroushka's mask*— “Petroushka,” the ballet by Stravinskii.
17. “*Come O Dove!*” — church hymn. Sung, when the bride steps on to the rug in the temple.”
18. Maltese Chapel — built on a design for Quarenghi (from 1798-1800) in the courtyard of the Vorontsov Palace in which the Page Corps resided.

19. *Скобарь*—обидное прозвище псковичей.
20. *Soft embalmer* (англ.) — «нежный утешитель» — см. сонет Китса «To the Sleep» («К сну»).
21. *Пропущенные строфы*—подражание Пушкину. См. «Об Евгении Онегине»: «Смиренно сознаюсь также, что в Дом Жуане есть две выпущенные строфы», — писал Пушкин.
22. *Баута* — маска капюшоном.
23. *Звездная Палата* (англ.) — тайное судилище, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.
24. См. знаменитое стихотворение Шелли «To the skylark» («К жаворонку»).
25. *Георг*—лорд Байрон.
26. *Клара Газуль* — псевдоним Мериме.
27. *Волков Поле* — старое название Волкова кладбища.
28. Раньше поэма кончалась так:

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя—«Седьмая»,^{—)}
На неслыханный мчалась пир,
Притвоившись нотной тетрадкой,
Знаменитая Ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

^{—)} «Седьмая» — Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии вывезла автор — вывез из осажденного города 29 сентября 1941 г.

19. *Skobar'*—an insulting name from someone from Pskov.
20. *Soft embalmer* (*Eng.*) — «нежный утешитель» — from the sonnet of Keats «To the Sleep» («К сну»). [Note that Akhmatova slightly mistranslates Keats' title which is "To Sleep."]
21. *Missing strophes (stanzas)* — imitation of Pushkin. See "About *Evgenii Onegin*" [an essay by Akhmatova]: "It is humbly admitted that in *Don Juan* two strophes (stanzas) are cut out," — wrote Pushkin. [Note Akhmatova does not mark which stanzas link to note 21 thereby implying anywhere between Stanza 5 ("soft embalmer") and stanza <13>, the suppressed stanzas might have been intended.]
22. *Vayetah*— a hooded mask.
23. *Star Chamber* (*Eng.*)— secret court which took place in a hall where a starry heavens were depicted on the ceiling.
24. From Shelley's celebrated verses "To a Skylark. "
25. *George*—Lord Byron.
26. *Clara Gazoul*—pseudonym of Mérimée.
27. *Volkov Field* — old name for the Volkov cemetery.
28. Formerly the Poema ended with:

And behind me with radiant stealth,
 And calling herself—"Seventh,"[→]
 She dashed off to an opulent dinner,
 Feigning to be a nocturnal diary,
 The celebrated Leningrader
 Returned to her native ether.

[→] "Seventh" —The Leningrad symphony of Shostakovich. The first movement of the Symphony was taken by the author from the beleaguered city on 29 September 1941.

<СТРОФЫ, НЕ ВОШКДШИЕ
В «ПОЭМУ БЕЗ ГЕРОЯ»>

^V^ ^V^ ^V^

<1> Пусть глаза его как озера . . .
От такого мертвого взора
Для меня он как смертный час.
Общий баловень и насмешник.
Перед ним самый смрадный грешник—
Воплощенная благрдать . . .

^V^ ^V^ ^V^

<2> Не кружился в Европах бальных,
Рисовал оленей наскальных,
Гелегамеш ты, Геракл, Гессер—
Не поэт, а миф о поэте,
Взрослым был уже на рассвете
Отдаленнейших стран и вер.

^V^ ^V^ ^V^

<3> И с ухватками византийца
С ними там Арлекин-убийца,
А по-здешнему—мэтр и друг.
Он глядит, как будто с картины,
И под пальцами клавишины,
И безмерный уют вокруг.

^V^ ^V^ ^V^

<4> Ты приедешь в черной карете
Царскосельские кони эти
И упряжка их à l'anglaise
На минуту напомнят детство
И отвергнутое наследство
.....

^V^ ^V^ ^V^

<STANZAS, NOT INCLUDED
IN POEM WITHOUT A HERO>

^v^ ^v^ ^v^

<1> His glassy eyes are like a lake . . .
And because of their deathly look
For me he is a *momento mori*.
Mocking and dear at the same time.
The stench of sin precedes him—
The incarnation of grace . . .

^v^ ^v^ ^v^

<2> You did not whirl through ballrooms of Europe
Instead you ran with the antelope—
Gilgamesh, Hercules, Gesser—
Not poet, but myth of the poet,
Already at dawn, fully adult
To this land and creed, a stranger.

^v^ ^v^ ^v^

<3> And with them with his Byzantine cunning
Is the slayer of Harlequin,
But to us—*maestro* and friend.
He looks out as if from a painted scene,
While his fingers touch the clavicin
And measureless ease abounds.

^v^ ^v^ ^v^

<4> In a black coach you drive in
By black Tsarskoe Selo steeds drawn
And harnessed à l'anglaise
And for an instant childhood returns
And the patrimony you disown
.....

^v^ ^v^ ^v^

<5> Верьте мне вы или не верьте,
Где-то здесь, в закрытом конверте
С вычислением общей смерти
Промелькнул измятый листок.
Он не спрятан, не зашифрован,
Но им целый мир расколдован,
Небытья незримый поток.

^v^ ^v^ ^v^

<6> [. . . театр Мариинский
Он предчувствует, что Стравинский,
Расковавший недра души,
Ныне юноша обрученный
С девой Музыкой. Обреченный
Небывалое совершать]

^v^ ^v^ ^v^

<7> И тогда, как страшное действо,
Возникают следы злодейства,
Снова вертится карусель.
И какие-то новые дети
Из еще не бывших столетий
Украшают в Сочельник ель.

^v^ ^v^ ^v^

<8> Словно память «Народной Волн»,
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
И смолкает мой голос вещей,
Тут уже чудеса похлеще.
Но уйдем—мне некогда ждать.

За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка,
Матерится мастеровой.
Паровик идет до Скорбящей,
Дальше только сумрак смердящий.
<В землю врос>
У тюрьмы—гигант часовой.

^v^ ^v^ ^v^

<5> Believe me or believe me not
In a sealed envelope here about
Jotted down in a crumpled list
Are collective death's reckonings.
It's not concealed, not written in code.
But it's an entire universe smashed
Into the unseen stream of non-being.

^v^ ^v^ ^v^

<6> [. . . at the Mariinskii
He apprehends from Stravinskii
An unfettered depth of spirit,
Where nowadays youngsters perform
To Music's virgins. For him
Performance was peerless and foredoomed.]

^v^ ^v^ ^v^

<7> And then, like some horrible mime,
The result of insidious crimes,
The carousel again starts to spin.
And some children of today
Foreign to those last century,
On Christmas Eve, trim up a pine.

^v^ ^v^ ^v^

<8> As if memory of "The People's Will"
could reach to the Goriachee Field
Like a hand extended to greet.
And falling silent my voice
Could reach to things miraculous.
But we must go—I've no time to wait.

Near the guardhouse, a barrel-organ grinds.
While a pet bear and gypsy dance,
And a factory worker swears out loud.
A steamship heads to Skorbiashchei,
Toward the smoggy dusk, slowly.
<Interred in the earth>
At the prison—a giant guard.

^v^ ^v^ ^v^

<9> (Вкруг него—дорогие тени,
Но напрасны слова молений,
Милых губ напрасен привет.
И сияет в ночи алмазной,
Как одно виденье соблазна,
Тот загадочный силуэт).

Инстнтутка, кузина. Джульетта! . .
Не дожждаться тебе корнета,
 В монастырь ты уйдешь тайком.
Нем твой бубен, моя цыганка,
И уже почернела ранка
 У тебя под левый соском.

^v^ ^v^ ^v^

<10> Что бормочешь ты, полночь наша?
Все равно умерла Параша,
Молодая хозяйка дворца,
Тянет ладаном из всех окон,
Срезан самый любимый локон.
И темнеет овал лица.
Не достроена галерея—
Эта свадебная затея,
Где опять под подсказку Борея
Это все я для вас пишу . . .

^v^ ^v^ ^v^

<11> Там я рада или не рада,
Что иду с тобой с «Маскавада»,
И куда мы с тобой дойдем.
Но наверно вокруг тот самый
Стрпшный город Пиковой дамы
С каждым шагом все дальше дом.

^v^ ^v^ ^v^

<12> А за тонкой стенкой, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре, в ненастную ночь.
Человек еще не спит и бормочет,
Что теперь больше счастья хочет
Позабыть про царскую дочь+

+ Лермонтов: Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь.

<9> (Around him—precious shades,
But vain are words that plead,
In vain, greeting from the dear lips.
And glinting in the diamond night,
Like a vision of singular enticement
Is that inscrutable silhouette's shape).

Co-ed, cousin, Juliet! . . .
You will not await the cornet,
 But flee to the cloister in secret.
Your tambourine's hushed, my gypsy,
And a darkening bruise already
 Spreads by your nipple, to the left.

^v^ ^v^ ^v^

<10> Midnight, what do you mumble at us?
Parasha's dead, in any case,
The young mistress of the palace,
From all windows, incense drifts,
The precious lock of hair, cut.
And grown dark, the oval of the face.
The gallery is left unfinished—
This project for a wedding,
Where, by north wind Boreas driven,
I retell this all for you sake.

^v^ ^v^ ^v^

<11> Whether I care or I don't care
I leave you with the "Masqueraders"
Because I can no longer reach you.
But most likely that one is around here
In the Queen of Spades' city of fear
In the house where footsteps pass through.

^v^ ^v^ ^v^

<12> From the other side of a thin wall
I escaped, not looking for a miracle,
On a foul night in September,
Inside, a man who can't sleep, mutters,
He desires more even than happiness
To forget the Tsar's daughter+

+ Lermontov: The tsarevich looks pensively far across the water,
He is remembering again the tsar's daughter!

^v^ ^v^ ^v^

<13> [Я иду навстречу виденью
И борюсь я с собственной тенью—
Беспощаднее нет борьбы.
Рвется тень моя к вечной славе,
Я как страж стою на заставе
И велю ей идти назад . . .
.....
.....
Как теперь в Москве говорят.
Я хочу растоптать ногами
Ту, что светится в светлой раме,
Самозванку]
Над плечами ее не крылья

^v^ ^v^ ^v^

<14> Вот беда в чем, о дорогая,
Рядом с этой идет другая,
Слышишь легкий шаг и сухой,
А где голос мой и где эхо,
Кто рыдает, кто пьян от смеха—
И которая тень другой?

^v^ ^v^ ^v^

<15> И уже, заглушая друг друга,
Два оркестра из тайного круга
Звуки шлют в лебединую сень,
Но где голос мой и где эхо,
В чем спасенье и в чем помеха,
Где сама я и где тодько тень?

Как спастись от второго шага . . .

^v^ ^v^ ^v^

<16> В черноватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродил за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить беспокойство
И быть многих бедствий виной.

^v^ ^v^ ^v^

<13> [I am leaving to meet an apparition
But in truth it's my own shade I'm battling—
No battle is more brutal.
My shade craves endless fame,
I stand at the border like a gendarme
And order it to turn back . . .
.....
.....
As they say nowadays in Moscow.
I want to crush beneath my foot
One who from a glowing frame shines bright;
That phony]
Her shoulders do not have wings

^v^ ^v^ ^v^

<14> This is more than calamity, dear,
For right behind it, another,
A light dry tread, don't you hear,
But which voice is mine, which, the other's,
Who weeps, who's drunk with laughter—
Which shadow leads, which follows after?

^v^ ^v^ ^v^

<15> To be sure, each the other drowns out,
Two orchestras from the darkened pit
Sending noises to the swans' porch,
But I can't tell, which is my voice, which, echo,
Which, myself, and which, just shadow,
Which rescues, which obstructs?

How to escape taking the second step . . .

^v^ ^v^ ^v^

<16> In the black mists of Paris,
Once more Modigliani appears
Dimly trailing behind me.
He has the melancholy custom
Of invading my dreams, troubling them,
And causing much calamity.

Но он мне—своей Египтянке . . .
Что играет старик на шарманке,
А под ней весь парижский гул,
Словно гул подземного моря—
Этот тоже довольно горя
И стыда и лиха—хлебнул.

^v^ ^v^ ^v^

<17> И тогда мой гость закркальный,
Невеселый и непечальный,
Просто спросит: простишь меня.
Обовьет, как цепью жемчужной,
И мне сразу станет не нужно
Мрака ночи и блеска дня.

^v^ ^v^ ^v^

<18> Все готово для встречи друга,
Даже пламень адского круга—
Все равно—что будет потом,
Но не знаю, что это значит,—
Что так горько мой ангел плачет,
Тот со свитком своим и с пером? . .

But to me—his Egyptian—he is . . .
What the old man's barrel-organ plays,
Under which all Paris is humming
Like the humming of an underground sea—
He too had his share of grief
And shame and malice—to drink down.

^v^ ^v^ ^v^

<17> And then my guest from behind the mirror,
Neither cheerful nor sour,
Simply says: pardon me.
He enwraps me, like a string of pearls,
And at once, neither night's veil
Nor day's gleam, needs me.

^v^ ^v^ ^v^

<18> Ready to meet with the other,
Even in inferno's ring of fire—
Both equal—what's to come,
But I don't know, what it signifies,—
There, my angel's bitter cries,
Can quill and parchment record them? . .